

НЕРЫНОЧНЫЙ ДРАЙВЕР СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Статья посвящена анализу архитектоники смешанной экономики, центром которой, по мнению автора, выступает нерыночный сектор. И хотя функциональная значимость нерыночного сектора в смешанной экономике игнорируется современными экономистами-рыночниками, автор на примере графической модели равновесного рынка иллюстрирует драйверный статус нерыночного сектора. В частности, он усматривает назначение нерыночного сектора в смешанной экономике в товарном наполнении «денежного излишка», образующегося в рыночном секторе. Основная проблема эффективной смешанной экономики – в поддержании нерыночного сектора финансовыми средствами, формируемыми налоговыми изъятиями из совокупной добавленной стоимости частнопредпринимательского сектора.

В статье рассматриваются следующие вопросы: тезис о том, что сильной практике слабая теория – не помеха; какой сектор считать счастливым в смешанной экономике; невидимая интрига смешанной экономики; основная системная проблема смешанной экономики; смешанная экономика эффективна при условии рыночной трансформации нерыночного сектора; где скрывается ахиллесова пята смешанной экономики.

Предлагаемая статья содержит аргументы в пользу максимизации интереса экономистов к нерыночному сектору смешанной экономики. В статье показано, что эффективность нерыночного сектора смешанной экономики (в силу ее объективного устройства) становится главным фактором экономического роста национальной производственной системы. Автор доказывает, что без включения нерыночного сектора в механизм движения смешанной экономики теоретическую концепцию последней построить невозможно.

Ключевые слова: смешанная экономика; нерыночный сектор; неплатежеспособная часть потребности

THE NON-MARKET DRIVER OF A MIXED ECONOMY

Oktay MAMEDOV,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The article deals with the analysis of the mixed economy's sarchitectonics, with the non-market sector as its core. The functional significance of the non-market sector in mixed economy is neglected by the modern market economists. The author suggests a model of the market-in-equilibrium to illustrate the key points of the article. In particular, the author links the mission of a non-market sector in a mixed economy to the compliance between the commodity and the "money surplus" generated in the market sector. The main concern of the effective mixed economy is to provide sufficient financial support for the non-market sector, through the taxation of the private entrepreneurs. The article covers the issues as follows: weak theory cannot obstruct effective practice; "happy" sector of the mixed economy; unseen intrigue of the economy; the main systemic problem of the mixed economy; mixed economy needs market transformation of the non-market sector; the Achilles' heel of mixed economy. The article suggests arguments for economists' interest towards the non-market sector. It is argued that mixed economy's effectiveness (due to its inherent features) becomes the main factor of the economic growth. The author argues that having the non-market sector not included in the mechanism of the mixed economy development, the theoretical framework of the mixed economy is impossible.

Keywords: mixed economy; non-market sector; insolvent part of need

JEL classifications: A11, A2, B41

TERRA ECONOMICUS
2018 Том 16 № 1

СИЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СЛАБАЯ ТЕОРИЯ - НЕ ПОМЕХА!

Рыночная организация общественного производства – апогей развития ресурсоограниченной цивилизации. Формирование рынка как системообразующего феномена – это максимум того, что может сделать экономика для материального, социального и духовного расцвета общества в эпоху ограниченности производительных ресурсов. Далее человечество втянется (как и предвидел Карл Маркс, чье двухсотлетие со дня рождения будет отмечаться в этом году) в длительный, но неминуемый переход к нерыночной организации общественного производства – в результате преодоления ограниченности ресурсов. С этим преодолением уйдет в историческое основание общественного производства и «современная экономика», – специфический институт присвоения материальных, социальных и духовных ценностей, созданных в условиях их жесткой дефицитности. И тогда, на руинах «экономики ограниченных ресурсов», возникнет новая, неведомая сегодняшней экономической науке, социальная система присвоения ценностей, генерируемых в неслыханных доселе условиях – в условиях изобилия производительных ресурсов.

По сути дела, вся экономическая история человечества – это история медленного и мучительного избавления от ограниченности созидательных ресурсов. Развратит ли такое избавление общество? Сохранится ли конкуренция? Исчезнет ли собственность? Как трансформируется коррупция? Нам пока не дано этого знать.

Но сегодня, когда еще господствует ресурсная ограниченность, только рыночная организация общественного производства (реализующая базовые императивы экономической эффективности – демократию, либерализм и конкуренцию) стимулирует постоянный рост его социальной эффективности.

Разумеется, историческая плата за достижение рыночной ступени экономической цивилизации велика. Единственное, что может утешить противников рынка, так это то, что такая плата вносится всеми народами, а странами – лидерами рыночного прогресса – больше других. Собственно, история экономического прогресса – это растянувшееся на многие века (и продолжающееся до сих пор) движение всех стран от «дореволюционного варварства» к «рыночной цивилизованности». Этим объясняется повышенный интерес экономистов к смешанной экономике¹, в которой рыночное производство занимается тем, чем никогда не занималось «нерыночное» производство – обслуживанием потребностей общества посредством удовлетворения спроса – феноменом, представляющим платежеспособной частью потребности и изнуряющим экономику и экономистов своей непредсказуемостью.

Эта радующая рыночников обеспеченность платежеспособным спросом придает особый колорит исследованию рыночного сектора смешанной экономики: писать о нем приятно и безопасно, поскольку в его границах предложению гарантирован потенциальный спрос. И, напротив, кому интересен *нерыночный* сектор, обслуживающий *неплатежеспособную* часть потребности? *Нерыночный* сектор, собирающий потребителей, *доравновесные* доходы которых не позволяют им обрести статус «покупателя», и производителей, *сверхравновесные* издержки которых не позволяют им стать «продавцами», обречен пребывать на «задворках» теории рынка (которую честнее было бы назвать – «теория рыночного сектора экономики»).

*

Общемировой характер тенденции рыночной организации общественного производства доказывается тем, что ее не избежала ни одна страна (what-are-some-examples-free-market-economies.asp)². И происходила рыночная трансформация производства независимо от того, имелось ли у населения страны осознанное желание рыночных преобразований или нет.

Параллельно с практикой формирования рынка, преодоления имманентных ему недостатков, «провалов» и прочих несовершенств, а также бесконечного поиска его самых эффективных форм (при данной технологии общественного производства) зарождалась и теория становления рыночной экономики, достигшая общепризнанной интеллектуальной высоты в марксовской концепции стоимости³.

Однако сегодня, по мере упрощения «смешанной экономики»⁴, теория рынка оказалась не в состоянии отразить сущностные характеристики этой новой модели рыночного устройства общества: научный анализ современных рыночных процессов не выдержал натиска «неоэкономистов» – нахлынувших в экономическую науку выходцев из других отраслей знания, так и не одолевших азы абстрактного мышления. А ведь только система абстрактного мышления образует методологию адекватного отражения специфики рыночной природы социальных процессов. Но это ничуть не

¹ Теоретическую характеристику систему смешанной экономики см.: (Roll, 1982; Carlsson&Larsson, 1990).

² В настоящее время в мире осталось только пять стран, в которых практически отсутствует свободная рыночная экономика – Северная Корея, Венесуэла, Куба, Конго и Эритрея (см.: <https://www.investopedia.com/ask/answers/040915/what-are-some-examples-free-market-economies.asp>).

³ Как отмечается в одном источнике, «Конституция США гарантирует три критических элемента, которые создают свободный рынок, – частная собственность, конкурентный рынок и нерегулируемые цены... Это значит, что закон спроса и предложения устанавливает цены, по которым продаются товары и услуги». В приведенном фрагменте обобщены главные достижения практической экономики, превращающие рыночную организацию общественного производства в необходимую форму его функционирования (Amadeo, 2017a).

⁴ Встречаются весьма остроумные определения смешанной экономики – как системы, «которая сочетает черты рыночной, командной и традиционной экономик, и которая извлекает выгоду из преимуществ всех трех систем, одновременно страдая от недостатков всех трех систем» (Amadeo, 2017b; Llewellyn & Rockwell, 2016).

помешало неоекономистам угрожающе демонстрировать «экономистам классической ориентации» антирыночный инструментарий и антиэкономическую методологию познания, явная невозможность применения которых к анализу экономических процессов и породила все внутринаучные проблемы современной экономической теории.

В результате марксова концепция рынка (наука о стоимостной природе товарной формы продукта общественного производства как результата его экономического обособления в условиях общественного разделения труда) была вытеснена вульгарно-эмпирической трактовкой рынка, сводившей его к взаимодействию спроса и предложения.

Но самое парадоксальное состояло в том, что подмена научной теории рынка его эмпирическим толкованием ничуть не замедлила развития рыночной практики: страны, построившие рыночную экономику, прогрессировали невиданными темпами; страны, не желавшие рыночных преобразований, отставали еще больше, и никакие уговоры рыночников не могли вразумить чиновников, превративших государственный бюджет в источник личного обогащения. Этим (в который раз!) был доказан исключительно когнитивный характер экономического знания, прикладное применение которого – редкий бонус, чего никак не поймут чиновники, управляющие социальной наукой и финансирующие ее. И так же как Солнце ежедневно восходит вовсе не для того, чтобы повысить урожайность пшеницы, или люди рождаются не для того, чтобы «всем классом по окончании школы остаться в колхозе», так и экономическая наука сосредоточена на своем предмете – на объяснении объективного устройства общества, а поражающие воображение (на основе этого объяснения) гениальные социальные изобретения являются всего лишь прикладными «отходами» интеллектуальной деятельности.

Тем не менее даже эмпирическое («спросово-предложное») описание рынка дало толчок к развитию если не экономической теории, то уж точно – финансовой практики. Об этом свидетельствует множество Нобелевских премий, венчающих авторов рекомендаций по заманиванию свободных денежных средств у недоверчивых («нерациональных» – на языке так называемой поведенческой экономики) хаусхолдеров в банковские депозиты, превращающиеся в кредиты для ненасытных (если их не притесняют) инвесторов.

СЧАСТЛИВЫЙ СЕКТОР СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Пока мировой отряд политэкономов потрясенно взирал на победу эмпиризма в умертвляемой экономической науке, эта победа завершилась созданием упрощенной модели равновесного рынка в курсе «экономикс» (см. рис. 1).

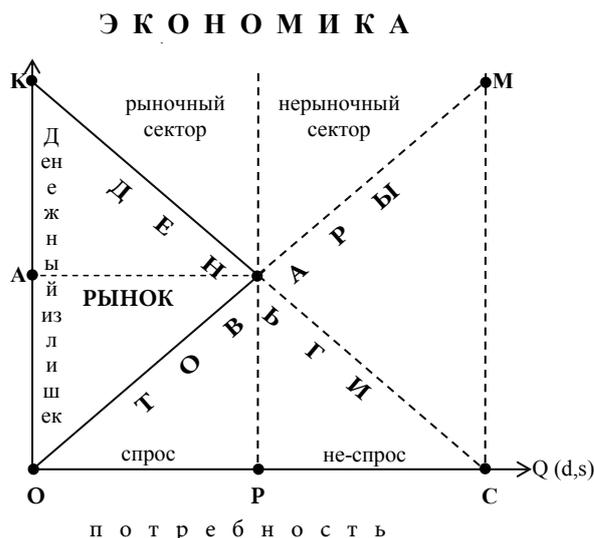

Рис. 1. Двухсекторная модель смешанной экономики

Этот курс, как известно, свелся сегодня к маловыполнимым практическим рекомендациям по «крупногабаритному» и «мелкорозничному» ремонту смешанной экономики. Кстати, усердно изучающие эти рекомендации с изумлением обнаруживают, что «родные» правительства проводят прямо противоположную экономическую политику (например, еще со смитовских времен известно, что в преддверии экономического кризиса необходимо снизить налоги с бизнеса, поддержать население из бюджетных источников и воздержаться от военных авантур, – но многие ли правительства этому следуют?).

Появление модели равновесного рынка, признающей «экономической гармонией» равновеликость стоимостных объемов спроса и предложения, привело к тому, что все внимание исследователей сосредоточилось на ее «левой» (доравновесной) части. Сама логика построения «спросово-предложной» модели рынка ограничивает рыночный анализ трехступенчатой итерацией:

- представление, пусть даже искусственное, изучаемого процесса как *взаимодействия* спроса и предложения (например, спрос на женихов порождает соответствующее предложение);
- нахождение путем пересечения линий спроса и предложения «точки равновесия» (E), обеспечивающей равновеликость стоимостных объемов спроса и предложения на рынке женихов;
- выявление факторов, отклоняющих точку равновесия от «равновесных» координат, и выработка рекомендаций по их восстановлению.

На этом рыночный анализ закончен, и рыночник может отдыхать.

Описанный алгоритм верен и для микро-, и для макроэкономики.

*

Но меня всегда удивляло, что практически весь курс экономикса посвящен «счастливой» части графика. Присмотримся (здесь и далее – график 1: отрезок линии спроса до точки равновесия (KE) представлен совокупностью цен, заведомо превышающих цену предложения, очерченные отрезком линии предложения до точки равновесия (OE). Это значит, что теоретически, до точки равновесия (E), реализация всех товаров всех производителей будет для них доходна. Действительно, площадь, графически представляющая величину денежных средств покупателей (OKED) на равновесном рынке, гораздо больше, чем площадь, графически представляющая величину денежных средств, необходимых продавцам для возмещения понесенных ими затрат на создание и реализацию товаров и для получения «нормальной» прибыли (OAEД).

Теперь нам понятно, почему экономисты-рыночники бесконечно занимаются манипуляциями «доравновесными» отрезками кривых спроса и предложения. Ведь это действительно сплошное удовольствие: у покупателей денег даже больше, чем необходимо производителям для возмещения понесенных ими затрат и получения «нормального» дохода.

Но для политэкономов в этом правом («рыночном») секторе графика нет интриги, нет тайны, нет проблемы, разве что – экономические кризисы, нарушающие «равновесное состояние». Даже непонятно, чем здесь заниматься теоретику. Может быть, тем, что все проблемы здесь носят чисто прикладной характер, и объясняется оправданное господство в решении этих антикризисных проблем представителей финансовой отрасли экономической науки?

НЕВИДИМАЯ ИНТРИГА СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

А ведь на графике имеется и другая, правая, часть, начинающаяся за точкой равновесия, абсолютно не интересная рыночникам. И этот неинтерес объясним, так как здесь собрались со стороны спроса – потребители, с мало кого волнующими грошами, а со стороны предложения – неэффективные производители, затраты коих не уклады-

ваются в равновесный норматив рыночной эффективности. Именно поэтому первым не суждено обрести статус «покупателей», вторым – статус «продавцов». И те и другие не вписываются в рыночные параметры, а значит, и не существуют для рынка.

Но именно здесь, в игнорируемом рыночниками *нерыночном* секторе, зарождается самый опасный антирыночный смерч, способный смести смешанную экономику, а с ней – и ее главный, рыночный, сектор. И многие экономисты это понимают: «Мы склонны считать само собой разумеющимся, что наша экономика – это рыночная экономика. Мейнстрим экономической науки особенно привержен этой идее. Действительно, ее основные понятия зависят от кривых спроса и предложения, да и равновесные цены не имеют особого смысла вне контекста рынка. Но сегодня в значительной части наиболее динамичный сектор нашей экономики – рынок – либо отсутствует, либо только одна часть истории... Мы должны думать об экономике как о взаимодействии, о сочетании рыночных и нерыночных методов» (Elder-Vass, 2016).

Ладно, прикладникам простительно отсутствие теоретического чутья, но – теоретики? Уж они-то должны были чувствовать и понимать, что за точкой равновесия расположилась зона высокого социального напряжения, того напряжения, которое способно взорвать всю современную экономику! (Мамедов, 1999; 2001).

Но – не почувствовали. И напрасно, поскольку здесь разыгрывается подлинная драма рыночной экономики. А как же может быть иначе, если в нерыночном секторе сконцентрированы «не-покупатели» и «не-продавцы», которые в этом унижительном антирыночном статусе приговорены к жизни в рыночной экономике, признающей только тех, кто является или покупателем, или продавцом. И как жить «бесстатусным»?

А ведь многие потребители когда-то, возможно, были «покупателями», но потом снизившийся уровень их личных доходов вытеснил их из рядов покупателей; да и многие производители когда-то были «продавцами», но потом возросший уровень их издержек вытеснил их из рядов продавцов. Это значит, что граница между рыночным и нерыночным секторами исключительно подвижна – расширяясь в период кризиса и уменьшаясь в годы подъема.

*

Экономисты должны постоянно напоминать рыночникам, что рынок имеет узкое, секторное назначение – удовлетворение спроса (OD), и только экономика озабочена удовлетворением всей потребности, включая и ее неспросовую часть (OC). Это позволяет различить границы «экономики» и «рынка».

Посмотрим: на графике 1 стоимостные параметры рынка равны квадрату OАED (равновесная цена OA, умноженная на величину реализованного спроса OD), тогда как стоимостные параметры экономики – квадрату ОКМС (величине всей потребности OC, умноженной на цену ее удовлетворения ОК). Из этого рассуждения следует, что рынок всегда *часть* экономики и никогда не исчерпывает всего экономического пространства. То-то студенты будут рады увидеть, наконец, пространственные контуры экономики и рынка (как части экономики).

Более того, можно даже говорить о скрывающейся на графике своеобразной «теореме эффективности рынка» по сравнению с эффективностью всех нерыночных форм общественного производства. Присмотритесь: при угле наклона кривых спроса и предложения в 45 градусов отрезки OD и OC равны, но для удовлетворения спроса OD требуются затраты, представленные площадью OАED, тогда как для удовлетворения такой же величины неспросовой части потребности (DC) затраты возрастают втрое (площадь DEAKMC).

*

Предлагаемый нами подход ставит эффективность смешанной экономики в прямую зависимость от того, насколько экономическая политика государства стимулирует переход «не-покупателей» и «не-продавцов» в статус покупателей и продавцов, а с

этим – перемещению их в платежеспособный рыночный сектор. И, напротив, экономическая политика, превращающая покупателей и продавцов в «не-покупателей» и в «не-продавцов», выталкивает их из рыночного сектора, тем самым концентрируя в нерыночном секторе «горючий» социальный массив.

В результате в этом секторе сосредотачивается та часть общества, недостаток доходов или чрезмерность расходов у которой не позволяет ей стать самостоятельным участником рынка, обрекая ее на зависимость от выделяемой ей доли бюджета. И это объяснимо: за точкой равновесия линии спроса и предложения расходятся, но теперь цены предложения (отрезок линии предложения за точкой равновесия – EM) все выше и выше, а цены спроса – все ниже и ниже (отрезок линии спроса за точкой равновесия – EC). Здесь потребители не могут из-за отсутствия денег приобрести рыночный статус «покупателя», а производители – из-за чрезмерных затрат по сравнению с равновесным уровнем – рыночный статус «продавца».

Поневоле главной проблемой становится вопрос – как же тем, кто не может стать даже покупателем (из-за недостатка денежных средств) или продавцом (из-за чрезмерных издержек производства), существовать в рыночной экономике?

Истинная интрига смешанной экономики, и жизненная, и научная, скрывается вовсе не там, где толкуются рыночники, вовсе не в левой части графика равновесного рынка, расположенной до точки равновесия, где расхаживают рыночно-счастливые (платежеспособные по получаемым доходам) покупатели и рыночно-счастливые (конкурентоспособные по затратам и ассортименту продукции) продавцы, а – в правой, «нерыночной», «несчастливой» части графика⁵. Поэтому если уж чем и заниматься науке, изучающей рыночную экономику, то это – вот уж парадокс так парадокс! – ее *не-рыночной* частью, где обретаются те, к кому рынок обернулся, так сказать, спиной. По этому поводу Нэнси Фолбр, профессор экономики в университете штата Массачусетс Амхерст, справедливо замечает: «Пол Кругман утверждает, что мы недооценили недостатки и противоречия рынка. Я бы пошел дальше. Мы переоценили размеры и значение того, что мы называем “рынком”. Мы все еще говорим о рынке, как будто это вся Экономика, и об Экономике, как будто это только рынок. Этот разговор вводит нас в заблуждение» (Folbre, 2009). Поэтому, добавим, если и преподавать рыночную экономику, то при условии обязательного объяснения необходимости и функций ее *нерыночной* сферы, в которой находятся те, кому не суждено стать ни покупателями, ни продавцами.

Теперь понятно, почему мало кто из специалистов по рыночной экономике осознает, что **эффективность смешанной экономики определяется эффективностью ее нерыночного сектора**. Между тем именно в *нерыночном* секторе сосредоточена та часть общества смешанной экономики, которая отторгнута рынком, и которая за это его искренне ненавидит, и ярость которой смертельно опасна для настоящего и будущего рынка, а главное – для смешанной экономики. *Нерыночная* сфера рыночной экономики и формирует современный «антирыночный пролетариат» – рыночно-маргинальные социальные группы.

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Основная проблема смешанной экономики порождается все тем же *нерыночным* сектором. Всякий, кому известен график равновесного рынка, знает, что за точкой равновесия линии спроса и предложения расходятся. А это значит, что доходы потенциальных покупателей становятся все ниже, а затраты потенциальных продавцов – все выше. Отсюда следует, что чем больше продукции производится за точкой равновесия, тем убыточнее становится их производство.

⁵ Не случайно же все чаще появляются статистические исследования, пытающиеся оценить соотношение рыночного и нерыночного секторов в национальной экономике (см.: Market sector..., 2006; см. также: Lynch, 2006).

Экономика, будучи социальной сферой материального производства, может существовать только при одном условии – доходы должны возмещать издержки производства (хотя бы в размере себестоимости). Но именно этого и не может произойти за точкой равновесия, где расходы производителя уже изначально выше возможных доходов потребителя, что исключает возможность для последнего стать «покупателем», а для первого – «продавцом».

Экономику обмануть невозможно, – ни одно предприятие, ни один сектор, ни одна отрасль, ни одна национальная экономика не могут существовать, если понесенные ими расходы превышают приносимые ими же доходы. Убыточной экономики не бывает: производство еще может быть убыточным, но экономика – никогда.

Экономика – единственная сфера общества, в которой действуют своего рода «физические» законы, с которыми общество вынуждено считаться каждый момент: можно обмануть людей, структуры, институты, но экономику обмануть невозможно – если у предприятия или отрасли отбирают созданный ими прибавочный продукт (на новоязе – «добавленную стоимость»), они – погибают.

Экономика неподвластна обществу, а, напротив, сама подчиняет себе общество, по одной, но очень важной причине: производство есть сфера, в которой общество взаимодействует с природными законами, сила которых в том, что они равнодушны к уговорам или заклинаниям. В этом – то общее, что объединяет экономику и физику.

Но есть и принципиальное отличие: экономика коварна временной эластичностью последствий несоблюдения ее законов. Всегда кажется, что можно недоплатить, недофинансировать, недодать, что нарушение какого-либо экономического закона никак не скажется на экономике. Но в том-то и состоит коварство названной эластичности, что нарушение экономических законов может произойти сегодня, а катастрофические последствия этого нарушения обнаружатся много десятилетий спустя.

Производство, расположенное *за* точкой равновесия, по определению убыточно. Это видно даже из графика – линия равновесной цены возможна лишь *до* точки равновесия, *за* которой эта линия сливается с линией предложения, т.е. с кривой затрат. По этой причине *нерыночный* сектор не может существовать за счет получаемых им доходов, причем *заравновесное* производство убыточно на всем объеме своей продукции. Отсюда основная проблема смешанной экономики – поиск источника, который мог бы выступить инструментом стабильного финансирования убыточного *нерыночного* сектора. Таким источником обычно выступает перераспределение налогов, благодаря чему становится возможным выделение части бюджета на поддержку потребителей и производителей в *нерыночном* секторе (на то, чтобы малоимущих потребителей все-таки превратить хотя бы в малоимущих «покупателей», а рыночно-неэффективных производителей – хотя бы в бюджетно-поддерживаемых «продавцов»).

Очевидно, что чем больше налогов – тем шире возможности финансирования *нерыночного* сектора. Но откуда берутся налоги? Если отвлечься от экстремальных или экзотических способов выколачивания налогов, то это – добавленная, новая стоимость (по Марксу, «прибавочный продукт»). Эта новая, добавленная стоимость всегда, даже в смешанной экономике, создается частнопредпринимательским, рыночным сектором. Это значит, что основным и стабильным источником финансирования *нерыночного* сектора может выступить только частнопредпринимательский сектор. Поэтому противодействие развитию частнопредпринимательского сектора делает невозможным финансовую поддержку *нерыночного* сектора, а говоря проще – разрушает смешанную экономику.

СМЕШАННАЯ ЭКОНОМИКА ТРЕБУЕТ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕРЫНОЧНОГО СЕКТОРА

Реальная рыночная экономика на практике включает все формы дорыночной, нерыночной и антирыночной организации общественного производства. Обреченность смешанной экономики на обременение *нерынком* – объективный источник ее постоянной «социальной изжоги».

Является ли это слабостью смешанной экономики? – Нет.

Является ли это ее силой? – Нет.

Это – необходимая конструкция устройства смешанной экономики, навязывающая *нерыночный* сектор в качестве буйного «компаньона» рыночному сектору. Если это и является испытанием, то не для рынка, а для государства, функционирующего в смешанной экономике. В ситуации, когда рынок вынужден сожительствовать с *нерынком*, государству необходимо, в целях роста эффективности смешанной экономики и подчиняясь императиву системности, втягивать *нерыночный* сектор в рыночные процессы, делать все, чтобы *нерыночное* стало органическим элементом рыночной системы, т.е. элементом, адекватным природе рыночных процессов. Как же этого добиться?

*

Государству (хоть нашему, хоть не-нашему) пора понять, что рынок максимально эффективен только при условии его, рынка, всесферности, т.е. если на рыночных началах будут преобразованы буквально все сферы и отрасли национальной экономики. Но распространяется ли императив системности на *нерыночный* сектор? Ответ на этот вопрос затруднен тем, что сегодня *нерыночная* («общественная», «директивная», «плановая», «огосударствленная») сфера, представленная правой частью графика равновесного рынка и расположенная за точкой равновесия, увы, не интересует ни государство, ни даже экономистов.

Между тем точка равновесия – из-за изменения степени эластичности кривых спроса и предложения – является «блуждающей» точкой, и вполне может так случиться, что она в силу многих факторов резко сместится влево. И тогда *нерыночная* часть рыночной экономики станет настолько преобладать, что выйдет за допустимые пределы отведенного ей социального пространства, затопив *нерыночными* волнами рынок, превращающийся в этой ситуации в «островок» среди антирыночного океана. Вот чтобы этого не произошло и *нерыночное* (неэффективное) не победило рыночное (эффективное), необходимо, чтобы *нерыночное* стало (с помощью государства) органическим элементом рыночного и в этой мере – эффективным. Превращение *нерыночного* в рыночное становится бессрочной экономической стратегией государства, актуальной до тех пор, пока экономическое устройство общества остается «смешанным».

*

Экономисты-теоретики постепенно осознают, что эффективный рынок уже два столетия живет на «искусственном дыхании», которое ему делает государство: без реальной борьбы государства с монополией конкуренция давно бы исчезла; без реальной охраны государством частной собственности она давно бы исчезла; без реальной поддержки государством мелкого бизнеса он давно бы исчез. А ведь это – фундаментальные основания смешанной (рыночно-нерыночной) экономики.

Кто же должен поддерживать *нерыночный* сектор «искусственным дыханием»? Это невероятно, но кроме государства, т.е. чиновников, никто взять на себя это бремя не может (Nelson, 1987). Именно чиновники должны способствовать рыночному преобразованию все еще (перманентно существующих) *нерыночных* сфер, и тем – защитить рыночный сектор смешанной экономики. В этом смысле, как нам представляется, и следует понимать тезис В.В. Радаева о «существенном усилении роли государства в современной рыночной экономике, что, как правило, и выступает главным фактором для выводов о “превращении” рыночной экономики в смешанную» (Радаев, 2005: 16).

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Нерыночный сектор смешанной экономики – сфера, в которой реализуются все достижения и недостатки рыночных и антирыночных формаций, существовавших в рыночной предыстории человечества. Однако приоритетное внимание экономистов должны привлекать не эти исторические характеристики *нерыночного* сектора, а те его свойства, которые он приобретает как элемент смешанной экономической системы (Лапина & Лелюхина, 2003)⁶.

*

Необходимость финансирования убыточного *нерыночного* сектора было бы ошибочно воспринимать как дополнительные непроизводительные издержки, давящие на рыночный сектор смешанной экономики, как сферу, живущую за счет «благотворительности» рынка. В широком смысле *нерыночный* сектор – это своеобразная «альтернативная стоимость», выплачиваемая обществом за возможность пребывания в экономическом комфорте смешанной системы. Более того, **за *нерыночной* сферой закреплена важнейшая макросистемная функция – товарное наполнение «денежного излишка», возникающего у высокодоходных покупателей и мало затратных продавцов.** Поясним этот важный момент.

В современной экономике спрос представлен расходом реальных платежных средств. Поэтому вся площадь под нисходящей кривой спроса (ОКС) на графике равновесного рынка представляет собой «совокупный кошелек» общества. При этом «денежному треугольнику» спроса противостоит «товарный треугольник» предложения, представленный площадью под восходящей кривой предложения (ОМС).

А теперь – внимание: треугольник (ОЕС) принадлежит одновременно и «денежному», и «товарному» треугольникам. В этом «общем» треугольнике площадь, выражающая стоимостную величину спроса, и площадь величины товарного предложения, совпадают. Нам остается только «вычесть» этот треугольник, и тогда мы с удивлением обнаружим, что оставшаяся часть треугольника спроса, равная величине «денежного излишка» (ОЕК), имеет только монетарное выражение. Отсюда следует, что **товарное наполнение «денежного излишка» создается в *нерыночном* секторе.** При угле наклона линий спроса и предложения в 45 градусов площади «денежного излишка» в рыночном секторе и его товарного обеспечения в *нерыночном* секторе (СЕМ) равновелики, что позволяет налоговым перераспределением компенсировать чистый дефицит (СЕМ) *нерыночного* сектора. Но если эластичность кривых спроса и предложения изменится, то они становятся неравными, со всеми вытекающими отсюда макроэкономическими последствиями.

Таким образом, **товарная продукция *нерыночного* сектора включена в макроэкономический механизм кругооборота, самодвижения смешанной экономики, придавая обеспечению макроэкономического равновесия специфический межсекторный характер.** Это значит, что в смешанной экономике макроэкономическое равновесие трансформируется в обмен равновеликими величинами **товарной и денежной массы между рыночным и *нерыночным* секторами.** Это и есть макросистемная функция *нерыночного* сектора в смешанной экономике, а само межсекторное выражение макроэкономического равновесия присуще только смешанной экономике и потому – уникально.

*

Параметры *нерыночного* сектора прямо определяются эффективностью рыночного сектора, т.е. размерами создаваемого здесь «денежного излишка». Действительно, если вычесть площадь, представляющую остаточную денежную массу у субъек-

⁶ Среди российских экономистов революционных лет особо выделяется фигура Владимира Александровича Базарова (1874–1939), по мнению исследователей, отечественного родоначальника концепции «смешанной экономики». Основу «смешанной системы», по Базарову, составляет симбиоз двух секторов – государственного и частного; а «смешанной системе хозяйствования» присуще и «смешанное накопление» (см. подр.: Лапина & Лелюхина, 2003).

тов *нерыночного* сектора (DEC), недостаточную для превращения их в покупателей и продавцов (потому этот сектор даже на графике расположен *за* точкой равновесия, т.е. *вне* рыночного сектора), то «чистый дефицит» содержания *нерыночного* сектора представлен оставшейся площадью *нерыночного* сектора (SEM). Это значит, что чем эффективнее рыночный сектор смешанной экономики, тем большую поддержку получает *нерыночный* сектор, поскольку, кроме бюджета, иного источника его содержания нет. Поэтому притеснять рыночный сектор, препятствовать его развитию – значит уничтожить источник существования *нерыночного* сектора. В этом смысле рыночный сектор выполняет важнейшую социальную функцию – финансовое обеспечение потребностей «нерыночных» социальных групп населения.

*

Каким же образом в смешанной экономике происходит рыночное преобразование *нерыночного* сектора?

Если кратко, то *нерыночный* сектор становится «квазирынком» – в результате создания множества «точечных» рынков искусственного происхождения.

Подробнее: в *нерыночном* секторе находятся те производители, издержки производства которых превышают равновесный уровень. Если их продукция все равно востребована обществом, то обществу приходится мириться и с их сверх-равновесными издержками. В этой ситуации оптимальный вариант состоял бы в том, что государству удалось бы договориться с каждым производителем об оплате его фактических (превышающих рыночно-равновесные) индивидуальных затрат + нормальная прибыль. Формы «договора» – государственные закупки, тендеры, аукционы. Только таким образом государству удалось бы втащить в рыночный *modus vivendi* заведомо *нерыночных* производителей. И тогда они бы приобрели статус «квази-продавцов», но этот статус имел бы искусственное («государственное») происхождение и зависел бы от возможностей бюджета страны⁷.

Точно так же пенсионные и другие формы бюджетных трансфертов превращают потребителей, имеющих недостаточные доходы, в «квази-покупателей», и таким образом искусственно расширяют рамки рыночного сектора. Тем не менее и для квазирыночного сектора сохраняют свое значение общие императивы рыночной конкуренции (Amavilah, 2012).

*

Необходимость государственной поддержки *нерыночного* сектора может иметь одно, но очень неприятное следствие – создание предпосылок для массовой коррупции. Уж очень велик у чиновников соблазн «счесть» за востребованную обществом продукцию как раз ту, которая не отвечает общественным потребностям, заодно завысив величину индивидуальных издержек в надежде на ответную благодарность малоэффективного производителя.

*

В организационном аспекте изложенное требует подготовки особой категории чиновников – специалистов по работе с социальными группами *нерыночного* сектора по созданию в смешанной экономике искусственного рынка. Это тем более важно, что «ни одна страна в мире сегодня не полагается на чисто традиционную, рыночную или командную экономическую систему. Эти системы представляют теоретические

⁷ «Там, где работают рынки, они являются наиболее эффективным средством удовлетворения потребностей и предпочтений частных лиц и фирм. Существует ряд причин, по которым рынки могут работать неэффективно и тем дать повод для вмешательства государственного сектора. Это – общественные блага, внешние эффекты и информационные проблемы. Можно сказать, что рынок терпит неудачу, только когда присутствует одна из названных причин. Однако доказательство провала рынка является необходимым, но не достаточным условием для вмешательства государственного сектора. Второе условие – если это вмешательство приведет к улучшению ситуации. Ведь вмешательство является дорогостоящим, сложным, и не всегда эффективным. Необходимо, чтобы вмешательство устранило проблему, не создавая зависимость от государственного сектора для индивидуумов и фирм» (GLA Economics, 2006).

крайности. Почти все страны имеют смешанные экономики, которые находятся где-то между этими крайностями... Каждая страна со смешанной экономикой сохраняет свой баланс между свободой рынка и участием государства» (Cengage, undated; см. также: Baumol, 1980).

Какой именно баланс между свободой рынка и участием государства считать оптимальным для российской экономики – задача практиков (Quiggin, 1999)⁸. Экономистам-теоретикам сегодня важнее преодолеть трактовку свободы рынка и участия государства как «теоретических крайностей», включив их в качестве неотъемлемых элементов единой смешанной экономической системы.

Будущее смешанной экономики определяется глобальной тенденцией, происходящей в смешанном производстве. Сегодня такой тенденцией является развитие креативной сферы. Креативное производство усложняет фундаментальную основу рыночной экономики – механизм стоимостеобразования. Как известно, этот механизм господствует в индустриальном производстве, редуцируя различные виды общественного труда. Однако по мере расширения сферы креативного труда осуществить такую редукцию становится крайне затруднительным, поскольку необходимо соизмерить уникальные затраты труда, не допускающие их усреднения, и результатом которых является уникальная продукция.

Отсюда следует, что креативизация смешанной экономики неизбежно вызовет расширение нерыночного сектора и к этому времени этот сектор должен быть квазирыночно преобразован, если мы не хотим потерять экономические и социальные достижения рынка. Одновременно начнет сужаться рыночный сектор, поскольку стоимостная определенность производимых интеллектуальных ценностей становится слишком усложненной.

В стратегическом аспекте лидерские позиции займут те страны, которые сумеют самым эффективным образом и раньше стран-соперников осуществить квазирыночную реорганизацию нерыночного сектора смешанной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Лапина, С.Н., Лелюхина, Н.Д. (2003). Владимир Базаров: размышления о смешанной экономике периода НЭПа // *Россия и современный мир*, 1,142–144.

Мамедов, О.Ю. (1999). *От модели классического рынка – к модели смешанной экономики*. Ростов-на-Дону.

Мамедов, О. Ю. (2001). *Двухсекторная модель смешанной экономики*. Ростов-на-Дону.

Радаев, В.В. (2005). Смешанная экономика как объект анализа // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика, 6.

Amadeo, K. (2017a). *AmericaIsNotReallyaFreeMarketEconomy //the balance*, December 20 (<https://www.thebalance.com/america-is-not-really-a-free-market-economy-3980689>).

Amadeo, K. (2017b). *Mixed Economy: Definition, Pros, Cons, Examples // the balance*, September 11 (<https://www.thebalance.com/mixed-economy-definition-pros-cons-examples-3305594>).

Amavilah, V.H. (2012). *Baumol, Panzar, and Willig’s. Theory of Contestable Markets and Industry Structure* (https://mpr.aub.uni-muenchen.de/41974/1/MPPA_paper_41974.pdf).

⁸ См. фундаментальную статью Джона Квиггина (Quiggin, 1999).

Baumol, W. J. (ed.). (1980). *Public and Private Enterprise in a Mixed Economy // Proceedings of a Conference held by the International Economic Association in Mexico City*. New York: St. Martin's Press.

Carlsson, H., and Larsson, B. (eds.) (1990). *Problems of the mixed economy: cooperation, efficiency, and stability*. Amsterdam; New York: North-Holland: Distributors for the United States and Canada, Elsevier Science, 229 p.

Cengage (undated). *How do Mixed Economies Divide the Decisions?* (http://clic.cengage.com/uploads/e92cd22d740480e4586bb45547b8fe78_1_1328.pdf).

Elder-VassD. (2016). Our world is not a pure market economy, and economics can't explain it // *Loughborough University* (<https://blog.lboro.ac.uk/crcc/culture-economy/world-not-pure-market-economy-economics-cant-explain/>).

Folbre, N. (2009). *What We've Learned: Our (Increasingly) Non-Market Economy*, September 8 (<https://economix.blogs.nytimes.com/2009/09/08/what-weve-learned-our-increasingly-non-market-economy/>).

GLA Economics (2006). *The rationale for public sector intervention in the economy*, March (https://www.london.gov.uk/sites/default/files/gla_migrate_files_destination/rationale_for_public_sector_intervention.pdf).

Llewellyn, H., and Rockwell, Jr. (2016). *Myths of the Mixed Economy // Mises Institute*, September 14 (<https://mises.org/library/myths-mixed-economy>).

Lynch, R. (2006). *Measuring non-market output in the National Accounts // Paper prepared for the 29th General Conference of The International Association for Research in Income and Wealth*. Joensuu, Finland, August 20 26, 2006 (<http://www.iariw.org/papers/2006/lynch.pdf>).

Market sector and non-market sector activity 1992–2004. Extract taken from United Kingdom Input-Output Analyses, 2006 Edition. Consistent with 2006 Blue Book and 2006 Pink Book (<https://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/method-quality/specific/economy/input-output--uk-national-accounts/archive-data/market-sector-and-non-market-sector-activity--1992-2004.pdf>).

Nelson, R. R. (1987). *Roles of Government in a Mixed Economy // Journal of Policy Analysis and Management*, 6(4), 541–557.

Quiggin, J. (1999). *The future of government: Mixed economy or minimal state? // Australian Journal of Public Administration*, 58(4), 39–53. doi:10.1111/1467-8500.00126.

Roll, E. (1982). *Mixed Economy*. Palgrave Macmillan UK.

REFERENCES

Amadeo, K. (2017a). *AmericaIsNotReallyaFreeMarketEconomy.the balance*, December 20 (<https://www.thebalance.com/america-is-not-really-a-free-market-economy-3980689>).

Amadeo, K. (2017b). *Mixed Economy: Definition, Pros, Cons, Examples.the balance*, September 11 (<https://www.thebalance.com/mixed-economy-definition-pros-cons-examples-3305594>).

Amavilah, V.H. (2012). *Baumol, Panzar, and Willig's. Theory of Contestable Markets and Industry Structure* (https://mpra.ub.uni-muenchen.de/41974/1/MPRA_paper_41974.pdf).

Baumol, W. J. (ed.). (1980). *Public and Private Enterprise in a Mixed Economy. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association in Mexico City*. New York: St. Martin's Press.

Carlsson, H., and Larsson, B. (eds.) (1990). *Problems of the mixed economy: cooperation, efficiency, and stability*. Amsterdam; New York: North-Holland: Distributors for the United States and Canada, Elsevier Science, 229 p.

Cengage (undated). *How do Mixed Economies Divide the Decisions?* (http://clic.cengage.com/uploads/e92cd22d740480e4586bb45547b8fe78_1_1328.pdf).

Elder-VassD. (2016). Our world is not a pure market economy, and economics can't explain it. *Loughborough University* (<https://blog.lboro.ac.uk/crcc/culture-economy/world-not-pure-market-economy-economics-cant-explain/>).

Folbre, N. (2009). *What We've Learned: Our (Increasingly) Non-Market Economy*, September 8 (<https://economix.blogs.nytimes.com/2009/09/08/what-weve-learned-our-increasingly-non-market-economy/>).

GLA Economics (2006). *The rationale for public sector intervention in the economy*, March (https://www.london.gov.uk/sites/default/files/gla_migrate_files_destination/rationale_for_public_sector_intervention.pdf).

Lapina, S. N., and Lelyukhina, N. D. (2003). Vladimir Bazarov: Reflections on the mixed economy of the NEP period. *Russia and the modern world*, 1, 142–144. (In Russian.)

Llewellyn, H., and Rockwell, Jr. (2016). Myths of the Mixed Economy. *Mises Institute*, September 14 (<https://mises.org/library/myths-mixed-economy>).

Lynch, R. (2006). Measuring non-market output in the National Accounts. *Paper prepared for the 29th General Conference of The International Association for Research in Income and Wealth*. Joensuu, Finland, August 20–26, 2006 (<http://www.iariw.org/papers/2006/lynch.pdf>).

Mamedov, O. Yu. (1999). *From the model of the classical market – towards the model of the mixed economy*. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Mamedov, O. Yu. (2001). *The two-sector model of mixed economy*. Rostov-on-Don. (In Russian.)

Market sector and non-market sector activity 1992–2004. Extract taken from United Kingdom Input-Output Analyses, 2006 Edition. Consistent with 2006 Blue Book and 2006 Pink Book (<https://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/method-quality/specific/economy/input-output-uk-national-accounts/archive-data/market-sector-and-non-market-sector-activity--1992-2004.pdf>).

Nelson, R. R. (1987). Roles of Government in a Mixed Economy. *Journal of Policy Analysis and Management*, 6(4), 541–557.

Quiggin, J. (1999). The future of government: Mixed economy or minimal state? *Australian Journal of Public Administration*, 58(4), 39–53. doi:10.1111/1467-8500.00126.

Radaev, V. V. (2005). Mixed economy as an object of analysis. *Bulletin of Moscow University*. Series 6: The Economy, 6. (In Russian.)

Roll, E. (1982). *Mixed Economy*. Palgrave Macmillan UK.